

A movie poster for the film 'Divorce on the Moon Calendar'. The central figure is a young woman with long, wavy blonde hair, looking directly at the camera with a serious expression. She is holding a bundle of dried herbs, from which a small flame is emerging. In the background, a man and a woman are seen in a romantic embrace, smiling. The setting is a European-style street at night, with a large, full moon in the sky. A glowing, circular magical diagram with various symbols and lines is visible near the woman's head. The overall mood is mysterious and romantic.

ТИНА ЛАВ

по лунному календарю

РАЗВОД

Развод: ты разбудил во мне ведьму

Тина Лав

Развод по лунному календарю

«Автор»

2026

Лав Т.

Развод по лунному календарю / Т. Лав — «Автор»,
2026 — (Развод: ты разбудил во мне ведьму)

Вернувшись домой раньше обычного, Даша застала мужа с любовницей, но она не привыкла опускать руки. Ей надо вернуть мужа любым путем, даже - магическим. Ведьма ставит очень жесткое условие - отпустить ситуацию. Но как, если ты не мыслишь жизни без этого человека?

© Лав Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жаркая встреча дома	5
Глава 2. Кто спал на моей кровати?	10
Глава 3. Первичный документ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тина Лав

Развод по лунному календарю

Глава 1. Жаркая встреча дома

Я чихнула в локоть. Громко. Бумажные салфетки на столе превратились в рыхлый комок. Голова раскалывалась где-то за левым виском. Из носа текло, горло саднило, будто проглотила горсть мелкого песка.

Кружка с горячим чаем остывала рядом. Я сделала глоток - тепло обожгло язык, но внутрь не прошло. Дрожь не проходила.

Мелкая предательская дрожь, от которой хотелось завернуться в огромное теплое одеяло с головой и не выбираться больше никогда.

Вокруг гудел опен-спейс. Светлые блузки коллег мерно колыхались над столами. Щелкали клавиши. Шуршали распечатки. Все работало по графику, кроме меня.

Звуки - такие привычные и успокаивающие в обычные дни - сегодня сводили с ума и отдавались в голове выстрелами. Каждый щелчок, каждый шорох были слишком громкими и раздражающими. Хотелось закричать, но сил на это не было.

Да и коллеги не виноваты, что мне приспичило простыть именно сейчас. Отопление уже отключили, а температура на улице внезапно решила опуститься до каких-то совершенно не майских цифр, дома резко похолодало, муж ночью привычно стянул с меня одеяло, и проснулась я уже с таким ощущением, что в нос мне натолкали перца, а в горло - толпу морских ежей.

Но работа не могла подождать.

Я потянулась за следующей папкой с актами сверки. Край бумаги задел палец - тонкий, предательский порез. Больно. Но привычно - не в первый раз. Выступила капля. Я вытерла ее салфеткой, не глядя, и снова оглушительно чихнула.

Цифры в таблице поплыли. В глазах то двоилось, то троилось, а голова отказывалась понимать, что тут происходит.

Марина Сергеевна остановилась у моего стола. Ее пиджак был безупречно отглажен, а волосы уложены так, будто сквозняков в офисе не существовало. Обычно ее взгляд скользил по мониторам, фиксируя только сроки и остатки. Сейчас он задержался на моем лице. Она слегка наклонила голову, и строгая вертикаль ее плеч дрогнула.

– Дашенька, деточка, ты не заболела?

Я посмотрела на ее лицо, силясь понять, какое из двух изображений начальницы - настоящее, и помотала головой.

– Все хорошо, - выдавила я и тут же чихнула, потом не выдержала и закашлялась.

– У, так дело не пойдет, - протянула она. - Ты мне сейчас весь офис парализуешь. Нет, нет, нет. Это не дело. Давай-ка собирайся домой.

– Марина Сергеевна, - едва ворочая языком, попробовала оправдаться я. - Сейчас я в обед до аптеки сбегаю, порошок куплю, мне тут же поможет...

– Еще чего, - отрезала начальница. - Дуй домой, кому говорят! Еще не хватало мне тут зомби вместо бухгалтеров. Пока ты одна такая - переживем. Если все улягутся - вот тогда дело плохо будет! Семенова! Ты с авансами закончила?

Семенова подняла голову и выглянула из-за перегородки.

– Почти, Марин-Сергеевна, последний добиваю.

– Возьми тогда сверки еще, если не хочешь соплями обвешаться, как наша Даша. Даш, отдай Алене папочки и беги домой. Сама доберешься? Совсем плохо выглядишь...

Я кивнула. Горло сжалось, но слова не полезли. Встала медленно. Мир качнулся, но устоял.

– Так, сегодняшний день тебе оставим, как рабочий, - заключила Марина Сергеевна. - За выходные отлежишься, полечишься, чаю с медом и малиной напьешься, и в понедельник - добро пожаловать на рабочее место. Если уж не оклемаешься, будем больничный оформлять. Договорились? Все, беги, пока я не передумала.

Я снова кивнула, едва понимая смысл происходящего.

Надо же - зимой, пока все грипповали, я даже не чихнула, а тут - словно за весь год решила разболеться.

Я закрыла отчет. Выключила монитор — черный экран отразил мое бледное, воспаленное лицо с опухшими слезящимися глазами. Сложила в сумку зарядку, блокнот, ключи. Пальцы дрожали, но движения остались отточенными: привычка закрывать рабочий день без хвостов.

– Даш, точно сама доберешься? Может, такси вызвать? - еще раз уточнила начальница.

Я помотала головой. Ноги ходят - доберусь. Не барыня.

Подняла сумку. Ремень врезался в плечо, но вес ощущался странно далеким. Повернулась к выходу. За спиной снова застучали клавиши.

Как в тумане я прошла мимо ряда рабочих мест, почти на ощупь нашла дверь и вышла, оставляя за собой привычный гул офиса.

Воздух на улице оказался густым, сырым, пропитанным запахом мокрого асфальта и еще не прогретой земли. Май должен был пахнуть сиренью, но пах сыростью, выхлопами и чем-то металлическим, будто город только что выдохнул ледяной туман. А может, мне просто так казалось, потому что нос отказывался работать, как положено - сегодня он решил поработать фонтаном со звуковым сопровождением.

С неба накрапывал дождик.

Я потянула куртку плотнее, но ветер уже проник под воротник, и тело отозвалось мелкой, противной дрожью. Меня затрясло еще сильнее - жар. Почему жар это всегда холодно? Где логика?

Логика не работала. Голова гудела, как старая трансформаторная будка за кварталом. Каждый шаг отдавался в переносице тупым ударом, горло саднило при каждом глотке.

До остановки было метров триста. Я прошла половину, прежде чем поняла - не дойду. Ноги стали ватными, колени отказывались сгибаться в нужном ритме, подошвы скользили по мокрой брусчатке.

Я вытащила из кармана телефон. Экран залип от влажности, палец соскальзывал по стеклу, оставляя мутные разводы. Я остановилась под козырьком павильона, прислонилась спиной к холодной стене.

Мимо пролетел заполненный автобус, окна запотели изнутри. Зайти туда сейчас было бы смерти подобно - меня бы просто растоптали, даже если бы я все же доползла до остановки.

Логистика маршрута рушилась. Груз не доедет по расписанию. Придется менять схему доставки.

Я разблокировала экран. Контакты. Олег. Имя высветилось белым на черном фоне. Палец замер над иконкой вызова. Мысли плыли, но инстинкт искал привычную опору. Он ведь дома на удаленке.

Да, он занят. Работает. Но ведь форс-мажоры не каждый день случаются.

Гудки пошли ровные, механические. Первый. Вторым. Третьим. Я считала их автоматически, как сверяла поступления по банковской выписке - ожидание подтверждения транзакции.

Но статус висел в подвешенном состоянии. Пятый. Седьмой. Связь оборвалась сама. Переход в голосовую почту. Он, наверное, в наушниках. В отчетах. Работает, как и обычно.

Я опустила телефон. Экран погас.

Что ж, если муж не может встретить заболевшую жену - это не трагедия. Хорошо, что давно придумали такси. Так даже проще.

Машина подъехала за три минуты. Я открыла заднюю дверь, скользнула на сиденье. Обивка оказалась липкой, пропитанной чем-то сладковато-химозным. Плевать. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

А хорошо идти у меня и не получается. Вообще никак идти не получается, если уж начистоту.

Водитель молча тронул с места, не задавая вопросов. В салоне стояла духота, тяжелая, как ватное одеяло, пролежавшее в сыром подвале всю зиму.

И сквозь заложенный нос, сквозь влажную пелену в голове, пробивался запах: едкий, въевшийся в потолок табак, смешанный с дешевым освежителем в виде пластиковой елочки, свисающей с зеркала заднего вида. «Лесная свежесть».

Ирония ударила в виски коротким уколом. Не дай бог оказаться в таком вонючем “свежем” лесу.

Меня начало мутить. Не резко, а волнами. Сначала подкатило к горлу теплым комком, потом отпустило, оставив на языке металлический привкус и липкую сухость.

Я прикрыла глаза, стараясь дышать ртом, коротко, поверхностно. Машина вибрировала на каждом стыке асфальта, на каждой трещине. Вибрация передавалась в позвоночник, в зубы, в пульсирующую точку за левым глазом. Впереди загорелся красный. Мы остановились у пешеходного перехода. Водитель переключил радио. Заиграла какая-то старая поп-песня, голос певицы тянулся, как резина, слова расплывались в общую кашу.

– Можно открыть окно? - попросила я, искренне надеясь, что меня не вырвет прямо на сиденье от того, что я открыла рот. К счастью, организм не позволил опозориться.

Водитель молча приоткрыл окно. Холодный ветер ударил в лицо, стало чуть полегче.

– Вам ко второму подъезду? - уточнил водитель. - У вас указан второй.

Я не ответила. Сил на формулировку не осталось. Только кивнула в затылок водителю-скому креслу, надеясь, что он уловил движение в зеркале. Он понял. Тошнота отступила, сменившись тупым, ноющим жаром, который расползлся от шеи к затылку.

Я смотрела в боковое стекло. Город проплывал размытыми полосами: вывески аптек, пешеходы в легких куртках, серые панели домов. Все двигалось по своим траекториям, кроме меня.

Я была грузом, который просто нужно доставить по адресу. Никакой эмоциональной оценки. Только статус: в пути. Маршрут скорректирован, система держится на последнем заряде.

Таксист свернул во двор.

– У вас оплата наличными?

– Карта привязана, - поморщилась я.

– А, да, - убедился водитель. - Тогда, всего хорошего.

Дверь открылась. Воздух ударил в лицо — чистый, прохладный, пахнувший мокрой листвой, землей и чем-то живым. Я сделала глубокий вдох. Легкие расправились. Тошнота откатилась окончательно, оставив после себя только звон в ушах.

Но слабость никуда не делась. Ноги держали тело лишь по инерции, мышцы ныли, как после марафона, который я не помнила, чтобы бежала.

Я шагнула к двери подъезда и приложила чип к домофону. Он отозвался противным писком, от которого мои уши заложило окончательно.

Внутри пахло свежей краской и чистотой. Консьержки не было. Лестница уходила вверх, чистая, с широкими ступенями и хромированными перилами, отражающими тусклый свет плафонов. Я потянулась к лифту. Кнопка не горела. На пластиковой табличке мелким шрифтом: «Техническое обслуживание до 18:00».

Мне предстояло подниматься пешком. Пятый этаж. В моем состоянии.

Может, грузчиков вызвать - пусть несут?

Я усмехнулась тому, что в такой момент еще не утратила способность шутить над собой. Значит, не так все и плохо.

Я сделала первый шаг на лестницу. Ступень за ступенью пошла вверх, держась за перила. На втором этаже дыхание стало тяжелым. На третьем пришлось остановиться, опереться ладонью о стену.

В ушах нарастал плотный белый шум. Жар поднимался от шеи к затылку, будто кто-то медленно подкручивал вентиль на скрытой батарее. Я знала, что нужно идти дальше. Просто переставлять ноги. Один шаг. Еще один. Баланс нарушен, активы истощены, но точку закрытия еще нужно поставить.

Нельзя оставаться в подъезде. Надо просто добраться до дома и лечь на кровать. Олег принесет мне чаю, полотенце на лоб, сбегает в аптеку...

Я оттолкнулась от стены и пошла вверх.

Я считала ступени. Не для порядка, а чтобы не остановиться. Двадцать одна. Двадцать две. Сбивалась со счета и начинала заново.

Перила были холодными, металл впитывал тепло ладоней, оставляя на коже липкий след.

Вдох - шаг. Выдох - пауза. Вдох - шаг. Лимит энергии приближался к нулю, но останавливаться было нельзя. Нужно просто дойти. Лечь в кровать.

Муж поможет. Он всегда так делал. Он хороший, заботливый. Он принесет градусник, укроет одеялом.

Четвертый этаж. Пятый. Дверь в квартиру маячила в конце коридора. Я достала ключи. Металл звякнул о замочную скважину, звук отозвался в ушах гулким эхом. Повернула.

Перед глазами все плыло. Но я, по крайней мере, уже была дома. Все, вот теперь можно расслабиться. Я в безопасности.

Из спальни доносились звуки. Что-то ритмичное, приглушенное, прерывистое. Скрип пружин. Сдавленный стон.

Я замерла, прислонившись спиной к стене. Сердце колотилось где-то в горле, перебивая пульс в висках. Наверное, фильм. Олег не постоянно за ноутбуком - иногда он смотрит кино, пока его графики грузятся, а данные обновляются без его участия.

Включил что-то взрослое, чтобы развлечься. Логично. Вполне в духе современности. Хоть и противно.

Я выдохнула, пытаясь расслабить плечи. Сняла куртку и повесила на крючок. Пальцы работали на автомате, пока голова все еще плыла в липком мареве.

Я прошла по коридору и толкнула приоткрытую дверь спальни. Все, чего мне хотелось - просто лечь на кровать, а какое там кино крутится на огромном экране телека - плевать.

Телевизор был выключен. Основное кино разворачивалось на кровати.

Снизу, без сомнения, лежал Олег. Его любимая, между прочим, поза. Лентяй!

А вот спина наездницы казалась смутно знакомой. Белобрысая голова, подпрыгивающая в такт движениям Олега, вызвала у меня новый приступ тошноты. Все это было настолько странным, что я всерьез засомневалась, что действительно вижу это.

Бред, больной бред. Жар.

Олег заметил меня первым. Замер. Движение оборвалось. В его глазах не было паники. Только растерянность. И что-то еще. Что-то, что я не успела прочитать.

Девушка насторожилась. Перестала двигаться. Медленно, будто во сне, повернулась. Ее влажный рот был слегка приоткрыт.

— Катя? - выдохнула я.

Мир сузился до туннеля. Звук в ушах стал плотным, как вата.

Ноги просто отказали. Колени подогнулись, будто кто-то перерезал невидимые нити. Я попыталась ухватиться за косяк. Влажные пальцы скользнули по дереву. Но я успела зацепиться и рухнуть не в проем, а на стену, чтобы сползти медленно и аккуратно, лишь удивившись, какой мягкий у нас, оказывается, ковер.

Потом темнота сомкнулась. Без предупреждения. Без боли. Просто - система обнулилась.

Глава 2. Кто спал на моей кровати?

Возвращение началось не с мысли, а с веса. Мокрое махровое полотенце лежало на лбу тяжелой, прохладной пластиной.

Я лежала на диване. Тело ныло изнутри, будто каждый сустав наспиговали свинцовой дробью. Сил пошевелиться не было.

Запахи сквозь заложенный нос пробивались с трудом, но я чувствовала что-то знакомое. Пахло мятой, спиртом и чем-то сладковатым - жаропонижающим сиропом, кажется.

Рядом со мной на самом краешке дивана сидел Олег. Он был полностью одет - в серой домашней футболке и легких трикотажных штанах.

– Тише, тише, - успокаивающе прошептал он, когда я попыталась поправить полотенце на голове.

Он выглядел обеспокоенным - взгляд растерянный, испуганный.

– А где? - я с трудом повернула голову.

Взгляд уперся в журнальный столик, на котором громоздилась аптечная батарея: электронный термометр, бутылка минералки, влажные салфетки, бутылочка с сиропом. Никаких следов чужого присутствия.

– Что? - тут же отреагировал Олег. - Пить? Воды?

Я попыталась приподняться. Комната качнулась. Желудок сжался тяжелым комком. Олег тут же подставил ладонь под спину, помогая устроиться в подушках. Движения были отточенными, привычными. Как он всегда делал, когда я простужалась. Аккуратно. Без суеты, но с вниманием к деталям.

Он поправил одеяло на плечах, сдвинул край полотенца, чтобы оно не сползло на глаза.

– Давай-ка еще померяем температуру, - велел он и засунул градусник мне под мышку.

Я не сопротивлялась. Не было ни сил, ни желания.

– Ты посиди, я сейчас воды принесу.

Он ушел на кухню, и через минуту вернулся со стаканом воды.

Я сделала несколько глотков, пока он осторожно придерживал стакан и вяло махнула рукой, показывая, что напилась. Стало немного легче. Горло перестало драть безумной теркой, а язык стал чуть послушнее.

– Где Катя? - просипела я.

– Катя? - удивился Олег, и я могла поклясться, что это была искренняя эмоция без доли испуга или вины.

Сил ответить не было, поэтому я просто уперлась взглядом ему в переносицу, ожидая продолжения фразы. Глаза слушались с трудом, отказываясь фокусироваться.

– Ты договаривалась встретиться с Катей? - переспросил муж. - Ты не предупредила. Что вообще случилось?

– Катя была здесь, - поморщившись выдавила я. - С тобой.

Олег снова подал мне воды. Его рука не дрогнула, когда он подносил стакан.

– Даш, я не понимаю, о чем ты. Катя не приходила. Если ты хочешь, позвонишь ей, но попозже - когда тебе станет полегче. Давай-ка градусник... Ох ты ж, елки-палки, заюша, как же так? У тебя под сорок...

Он ушел на кухню, чем-то погромел, вернулся через пару минут и протянул кружку.

– Давай-ка, пей. Не бойся - она тепленькая, не горячая... У нас осталась пара пакетиков, я схожу в аптеку и куплю еще.

– Кисло, - поморщившись, отодвинула я кружку.

Олег тут же встал и снова удалился на кухню на пару минут. Вернулся и опять протянул мне лекарство.

– Добавил ложечку меда, тебе надо это выпить. Сейчас главное - сбить температуру. Как же ты меня напугала - зашла домой и прямо в коридоре завалилась в обморок...

В коридоре? Мне казалось, я дошла до спальни... Может, правда - показалось?

Слова Олега доходили с задержкой, будто пробирались сквозь ватную прослойку. Жар. Обморок. Мозг в состоянии перегрева действительно способен генерировать образы, которых нет.

Я вспомнила, как поднималась по пролетам. Белый шум в ушах. Дрожь в коленях. Шея и затылок словно в огне. Сбой данных.

Я увидела то, что боялась увидеть, или то, что подсознание подкинуло из архива памяти, смешав с чем-то из книг или фильмов. Катя. Лучшая подруга. Символ стабильности. В голове это слилось в один абсурдный, несводимый файл.

– Я уже думал, скорую вызывать... Ты только стонала. Хорошо, что в себя пришла...

Я смотрела на лицо моего мужа. Брови сдвинуты, нахмурены. Волосы чуть растрепаны. Рука, сжимающая стакан так, что костяшки побелели.

Он действительно волновался. Или играл роль настолько хорошо, что даже мышцы лица не выдавали фальши. Но зачем ему играть, когда я даже голову не могу повернуть?

– Но я видела...

– Милая, ну что ты видела, если ты зайти едва успела? Хорошо, что добралась до двери, а не упала где-нибудь на лестнице. Кто бы тебе помог?

Я кивнула. Сил спорить не было. Да и зачем? Если он здесь, в домашнем, суетится, меняет полотенце на моей голове, значит, все в порядке. Значит, я ошиблась.

Я допила лекарство. На языке осталась липкая сладость меда.

Олег поправил одеяло, укрыл плечи. Перевернул полотенце холодной стороной.

– Постарайся поспать, - тихо прошептал он. - Я рядом. Все хорошо.

Я закрыла глаза. Сон накрыл не сразу. Он опускался медленно, как тяжелая штора.

В полудреме я слышала шаги мужа. Тихие. Он ходил по квартире. Что-то перекладывал.

Я пыталась собрать обрывки утренней сцены. Спина. Поворот. Знакомое лицо. Но память подбрасывала только размытые кадры, будто перемотанные на высокой скорости.

Тело требовало отключения. Система уходила в спящий режим, сохраняя только минимальную активность.

Проснулась от сухости во рту. Безумно хотелось пить, язык присох к небу, но в голове хотя бы перестало гудеть. Полотенце холодило лоб - видимо, Олег менял его недавно.

В комнате стусились сумерки. За окном уже стемнело, фонари во дворе включились теплым, размытым светом. Олег сидел за столом и тихо клацал по клавишам ноутбука. Услышав, что я заворочалась, он сразу обернулся.

– Ну, как ты? - тихо спросил он.

Я неопределенно махнула рукой и потянулась к стакану воды. Тот был пуст.

– Пить? Сейчас!

Олег вскочил, взял стакан и ушел на кухню. Зашумела вода в раковине, затем раздался тихий стук фильтра для воды.

– Давай еще раз померим температуру, - сказал Олег, помогая мне попить.

Прохладная влага принесла облегчение. Стало даже легче дышать.

– Так, ну дело получше, - радостно объявил Олег, вытащив градусник из-под моей руки. - Тридцать семь и пять. Сейчас еще на ночь выпьем порошочек, утром повторим... Я купил упаковку нового - говорят, он с каким-то суперсовременным антивирусным составом, за три дня на ноги поставит. И леденцы от горла. Так, еще спрей от насморка... Кушать хочешь?

Я мотнула головой. Есть не хотелось совершенно. Но радовало то, что и тошноты больше было. Усталость, слабость и вялость сохранялись, но голова уже не пыталась разорваться, как

бомба, а в горле после воды стало почти нормально, не считая легкого першения. Нос тоже был заложен, но потоп уже прекратился. Наверное - засох от жара.

Олег сходил на кухню и вернулся с новой порцией лекарства, помог мне приподняться, поднес кружку к губам и проследил, чтобы я выпила все до капли. Этот порошок был вкуснее - я даже почувствовала привкус каких-то ягод, а не едкого лимона.

Муж взял полотенце с моего лба, унес его в ванную, поплескался и вернулся с ледяным компрессом, который аккуратно уложил на лоб, хотя голова уже не болела.

Я наблюдала за этим словно со стороны. Олег был хорошим мужем. Да, мог иногда забыть про какую-нибудь важную для меня дату. Да, не всегда отвлекался от своих дел, когда я просила.

Но он всегда был со мной, когда мне требовалась помощь. Он всегда заботился, когда я болела. И я - тоже. А если мы болели вместе, то старались делить заботы по силам. Где-то я могла сварить бульон, где-то - Олег разводил нам лекарства.

И сейчас все было, как всегда. Как обычно.

Разве мог человек, который вот так, молча, часами сидит у дивана, меняет полотенце, контролирует температуру, вот так легко перечеркнуть все? Нет.

Алгоритм не сходил. Первичный документ отсутствовал. А без первичного документа любая операция признается несуществующей.

Значит, в обед мне действительно привиделось. Мозг, перегретый инфекцией, решил разыграть сценарий из дешевых мелодрам.

Я закрыла глаза. Ощущение вины, мимолетное и едкое, кольнуло в груди. Я же усомнилась в нем. В нашем браке. Из-за бредового видения. Из-за того, что организм дал сбой. Я должна была просто лежать и пить чай, а не накручивать себя фантазиями.

– Тебе надо еще поспать, - сказал Олег. - Сейчас температура пойдет на спад, я еще через часик посмотрю. Если ночью хуже станет - ты меня разбуди, хорошо? Я в спальне буду, а ты тут лежи, не таскать же тебя, в самом деле... Если в туалет надо - давай помогу дойти. Надо?

Я не ответила. Сон уже тянул меня далеко от этого дивана, от этой комнаты, от Олега. Тяжелый, густой, лекарственный.

Перед тем как провалиться, я услышала, как он поправляет плед у моих ног. Он тихо вышел, оставив дверь приоткрытой, чтобы слышать, если мне станет хуже.

Темнота сомкнулась окончательно. В этот раз без страха. С глухим, тяжелым облегчением. Система перезагружалась. Я просто позволяла ей уйти на техобслуживание.

Глава 3. Первичный документ

Проснулась от света. Не от жара, не от дрожи, а от ровного, утреннего солнца, пробивающегося сквозь щель в шторах.

Голова больше не гудела. Туман рассеялся, оставив после себя только звонкую, холодную ясность. Я пошевелилась. Тело ныло, но уже без той свинцовой тяжести. Скорее как после долгой дороги - мышцы затекли. Кожа была влажно-липкая, волосы слиплись у висков. Всю ночь потела, как в бане.

– Ну как ты, заюша? - спросил Олег, заглядывая в комнату.

– Терпимо, - признала я. - Лучше, чем вчера. Спасибо, Олеж. Не знаю, чего это я так разболелась...

– Ох и напугала ты меня вчера, - улыбнулся муж. - Сейчас еще тебе разведу, полежи...

Я опустила на подушки. Какой все-таки у меня хороший заботливый муж! Как мне вчера могло померещиться такое... Фу. Противно и стыдно.

Олег вернулся с кружкой теплого лекарства. В этот раз я выпила его сама и сама же успела поставить градусник.

Олег аккуратно вытащил его и посмотрел цифры.

– Другое дело! Тридцать шесть и восемь.

– Может, не надо было пить? - засомневалась я. - Там же жаропонижающее, а мне понижать нечего.

– Там еще антивирусное, от насморка, от головной боли и витамин Цэ, - назидательно заметил муж. - Написано, что надо пить три дня. Вот и пей три дня. Не прерывай курс лечения только потому, что тебе показалось, что стало лучше. Ну в самом деле, заюша, ты как ребенок. Только отлегло - сразу в бой. Отлежись, долечись, мир подождет.

– Пойду - помоюсь, - улыбнулась я. - Потом опять лягу. Обещаю, что никуда не денусь и не побегу в бой.

– Может, не стоит? Мыться сейчас - снова нагнать жар, спровоцировать обострение...

– Олеж, ну я всю ночь потела, как мышь. Мне противно, - поморщилась я. - От того, что я немного постою под душем, мне не станет хуже. Лучше дай мне чистую пижаму.

Я приподнялась. Мир не качнулся. Шагнула на пол. Босые ступни коснулись холодного ламината. Все в порядке.

Я стояла под душем, пока не стало легче дышать. Смыла вчерашний жар. Смыла тот обрывок, который мозг пытался списать на техническую ошибку. Вода текла по спине, унося с собой остатки вчерашнего напряжения.

Вышла, завернувшись в большое полотенце. В коридоре стоял Олег. В руках - сложенная пижама.

– Все хорошо? - спросил он.

– Отлично, - улыбнулась я. - Так гораздо лучше. Я уже не чувствую себя бомжом.

– Тогда одевайся, не мерзни. Ложись в спальне, там удобнее.

Я взяла из его рук пижаму и вдруг в голове снова вспыхнуло воспоминание. Спальня. Та самая комната. Где вчера все рухнуло. Где я видела Олега и Катю... Или подумала, что видела. Но видение было таким реалистичным.

Да - бред. Да - просто игра больного разума. Но... я не могла. Я покачала головой.

– В гостиной посплю. Не хочу тебя заражать.

– Да я сам посплю на диване, если хочешь, - предложил муж.

– Нет, - слишком резко ответила я. - Не хочу.

Олег замер. Взгляд задержался на двери спальни на долю секунды, потом вернулся ко мне. В нем мелькнуло что-то похожее на понимание, или на облегчение, или на ту самую тихую досаду, когда план расходится с реальностью.

Он не стал настаивать. Не стал уговаривать. Просто кивнул, принял отказ как данность.

– Тогда я поработаю на кухне, чтобы не мешать, хорошо? Если понадобится – зови.

Я кивнула и пошла одеваться.

Дверь кухни закрылась. Я вернулась на диван, подтянула плед к коленям. Тишина в квартире сменила свой регистр. Больше не было тяжести лихорадки, не было ватного шума в ушах. Осталось только пространство, которое нужно было заполнить. Я закрыла глаза. Но сон не шел.

Вместо него приходили обрывки. Скрип пружин. Резкое, нервное движение плеч. Мозг, освобожденный от жара, включил режим отладки. Он начал прогонять вчерашние кадры по секундам.

Я искала нестыковки. Искала доказательства галлюцинации. Но их не было. Со мной никогда не случалось подобного... Я могла что-то не помнить, но помнить то, чего не было – это было что-то новенькое.

Может, это не сон? И не бред? Это факт. Который нужно подтвердить. Сверить остатки. Запросить первичный документ.

Я открыла глаза. Посмотрела на закрытую дверь кухни. Стук клавиш там не прекращался. Олег работал. Виртуально присутствовал, физически отсутствовал на работе – удаленка это удобно.

Но мне нужно было время. И доступ к журналу событий.

Я встала, подошла к двери, постучала два раза. Вошла, не дожидаясь ответа. Олег сидел за столом, в наушниках, но один наушник сразу сдвинул на шею. Экран ноутбука светился таблицами. Логистика, поставки, маршруты. Все как обычно. Никаких переписок с любовницами, никаких сомнительных вкладок.

Может, зря я это затеяла?

Даже если и зря... Лучше убедиться, что мне показалось, чем всю жизнь прожить с ощущением, что меня обманули.

– Олж, слушай, ты сильно занят?

Я стояла в дверном проеме, чувствуя, как прохладный воздух из коридора касается щиколоток. Пальцы невольно сжались в кармане пижамных штанов. Нужно было звучать ровно. Без надрыва. Обычный запрос на согласование мелкой хозяйственной статьи.

– Умеренно, – кивнул муж. – Что такое?

– Да в груди как будто заложило все, – я погладила ладонью чуть ниже шеи и сделала жалобное лицо. – Молочка бы горячего с медом. А у нас молока совсем не осталось. Может, сходишь? Ну, как освободишься?

Он кивнул, не отрывая взгляда от экрана и что-то быстро пощелкал на открытой вкладке. Движения были механическими, привычными.

– Конечно, заюша, сейчас схожу. Это же недолго. Переодеваться не буду – так добегу, сегодня потеплело. Полчаса – и молочко будет у тебя! Лимончик взять?

Он поднялся. Я сделала шаг назад, освобождая проход.

– Можно и лимончик, – кивнула я, надеясь, что выбор лимона задержит его в магазине чуть дольше. – И что-нибудь на твой вкус... Не знаю, что-то хочется...

Олег вышел в коридор, зашуршал ключами, брякнул замком. Дверь закрылась.

В квартире осталось только тиканье часов, тихий шум ноутбука и мое дыхание. Ровное. Размеренное. Период ожидания начался.

Я не стала ждать лифт – времени было мало. Развернулась и пошла к лестнице. Ноги держали уверенно. Пятый этаж. Четыре. Три. Ступени были широкими, холодными.

Я спустилась еще ниже, до первого. Там, за стеклянной дверью с наклейкой «Охрана», сидела консьержка. Галина Ивановна. Женщина лет шестидесяти, в вязаном жакете, с лупой на цепочке и стопкой квитанций на столе.

Я толкнула дверь. Колокольчик над косяком звякнул сухо. Она подняла глаза, поправила очки.

– Дашенька, добрый день, - кивнула она. - Что-то не так? В квитанции опять насчитали что-то не то?

– Нет, Галина Ивановна, я к вам по деликатному делу.

Я подошла к столу. Положила ладони на холодную поверхность столешницы. Пластик был покрыт мелкими царапинами от ключей и ручек.

– Подружка сумочку потеряла, представляете? Говорит, у меня оставила. А у меня ее нет. Ну вот как так, да? Мне бы по камерам глянуть - она уходила с сумочкой или без?

Я старалась говорить четко. Без дрожи. Легенда была простой, бытовой, не вызывающей подозрений. Стандартная процедура поиска утраченного имущества.

– Понимаю, что для таких вещей запрос от полиции нужен, но если она в полицию пойдет, то как потом в глаза смотреть мне будет? Я ведь и ее могу понять - вещь дорогая, там кошелек, карточки... Выручите, а?

Она вздохнула, отодвинула квитанции. Потянулась к монитору под столом. Экран загорелся синим светом, отразившись в ее очках. Мышка щелкала, курсор бегал по квадратам сетки камер. Вход. Парковка. Лифт. Почтовые ящики. Она перемотала ленту назад.

– Когда, говоришь, подружка пришла?

– Ой, не помню, мы на часы не смотрели... Обед. Перед обедом.

Время на экране шло рваными скачками. Я смотрела на цифры. Сердце билось ровно, без ускорения. Это был не поиск виноватых. Это был аудит. Сбор первичной документации.

– Вот, твоя? - Галина Ивановна ткнула пальцем в экран.

– Моя, - кивнула я. - С сумочкой, надо же! А давайте глянем, она ушла с сумочкой или без? Если не возражаете, я снимок сделаю? Покажу ей - тут и дату, и время видно.

Галина Ивановна пощелкала по кадрам дальше. Камера запечатлела меня - бледную в полубоморочном состоянии. Затем спустя двадцать минут из подъезда вылетела Катька. Значит, первичный документ найден. Сумма сошлась. Мне не показалось.

– С сумочкой, - радостно объявила Галина Ивановна. - Давай, делай снимок живенько, а то мне по шапке настучат, если заметят.

Я сохранила доказательства того, что даже в бреде оставалась в здравом уме, и улыбнулась отзывчивой консьержке.

– Вы мне очень помогли, сохранили дружбу. А то ведь знаете, как бывает, кто-то сумочку утащит, кто-то - мужа уведет!

Я отступила на полшага. Холодный пластик столешницы больше не ощущался. В ушах стоял тихий, ровный гул, как после закрытия тяжелого сейфа.

– Обращайся, Дашенька, - кивнула Галина Ивановна. - Хорошо, что все благополучно закончилось!

Я кивнула. Развернулась и вышла в подъезд. Дверь за спиной захлопнулась, отрезав теплый свет комнаты консьержки. Я вызвала лифт.

Торопиться было уже некуда. Если бы мои подозрения оказались пустыми, то было бы сложно объяснить Олегу, куда я ходила и зачем. А теперь... Теперь объяснять придется ему.

Когда я вошла в квартиру, Олег еще не вернулся. Я подошла к дивану, села. Закрала глаза. Теперь не нужно было гадать. Не нужно было искать оправдания в высокой температуре. Баланс сошелся. Осталось провести инвентаризацию последствий. Но я не знала, с чего начать.

Дверь тихо открылась, запуская в прихожую прохладу подъезда.

– Заюша, я все купил, - отчитался Олег.

Я вышла из гостиной и встала в проеме.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Молоко, лимончик, печенье шоколадное, абрикосы... Что еще? - улыбнулся муж. - Ложись, я сам помою, погрею, принесу.

– Олег, хватит ломать комедию, - отрезала я. - Вчера ты мне сказал, что мне показалось, что я видела Катю у нас дома. И не просто дома, а дома - в моей спальне, на моей кровати и, если уж быть совсем точной - на моем муже. Или сказать еще точнее, на каком месте моего мужа сидела Катя?

Олег побледнел. Это было так странно - краски резко спали с лица. Как будто кто-то плеснул на него отбеливателем.

– Даш, это не то, что ты думаешь...

– Ну да, я же больная, - усмехнулась я. - Мне показалось. На самом деле, она просто проверяла, какой у нас матрас - ортопедический или обычный, да? Олег, она была здесь вчера. И я вас видела. И то, что после этого я отключилась, не значит, что у меня отшибло память. Да, я засомневалась в своем разуме, но сходила вниз и посмотрела по камерам. Катя пришла примерно за час до моего прихода и вышла через двадцать минут.

Олег молча прошел на кухню и поставил пакет на стол, выложил оттуда пачку молока и убрал в холодильник, вытащил пакет с абрикосами.

Я наблюдала за его руками и не могла понять - почему он молчит. Почему не говорит ничего. Не пытается переубедить. Или оправдаться. Или поспорить.

– Ты так и будешь молчать? - не выдержала я.

– А что я скажу? - зло рявкнул муж, поворачиваясь ко мне. - Чего ты от меня хочешь? Да, была. Все? Добилась, чего хотела?

Я отступила назад, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Я хотела?

– Я не этого хотела, Олег, - попыталась объяснить я. - Я хотела... правды.

– Ну вот тебе и правда, - развел руками он. - Такая правда лучше, чем... Чем что? Дальше что? Что с этой правдой делать?

Я не знала. Я правда не понимала, что нам делать с этой правдой. И как вообще мы докатились до правды - такой.

– Олег, но почему? Почему Катя? Почему - моя подруга, а не какая-нибудь твоя знакомая... Господи, да кто угодно! С сайта знакомств, по вызову, твоя какая-нибудь подруга детства... Олег, почему именно моя подруга?!

– Не знаю, - пожал плечами Олег. - Если бы это была другая, то было бы проще? Какая разница?

– То есть, тебе вообще нет разницы - с кем? - не поняла я. - Олег, это какой-то бред...

Я отступила в комнату и села на диван, закрыв лицо руками. Я не знала, что еще сказать. Я не знала, как с этим жить. Я не знала, что нам с этим делать.

– Знаешь, ты тоже хороша! - вдруг заявил Олег, появляясь на пороге. - А то давай сейчас из меня козла отпущения сделаем? Я один во всем и виноват, так что ли?

– А кто? - удивилась я, не отрывая рук от лица. - Я? В чем? В том, что познакомила тебя со своей подругой?

– Да ты же день и ночь торчишь на своей работе, - стал накручивать Олег. - Ночью к тебе не подвинься - тебе утром рано вставать. Днем тебе не позвони - ты занята! Приготовить ужин? Зачем? Олежа ведь дома... Олежа тоже работает, а не баклуши бьет! Ладно, плевать на ужины-обеда, пельменями полгода питаемся - не сдохли... Но Даша, посмотри, в кого ты превратилась!

– В кого? - растерялась я.

– Сколько ты набрала? Десять? Двадцать?

Я замерла. Да, за зиму я слегка поправилась. Но двадцать... Это перебор. Нет, двадцати тут быть не могло. Не так уж сильно я набрала. Он просто пытается оправдать измену, найдя удобную причину.

– Ты же на себя перестала походить! Но и с этим я бы смирился! Но ты же только работой своей живешь! С тобой ни о чем невозможно поговорить. Только работа, отчеты, цифры, проверки! Я ждал... Месяц, два... Но сколько можно?

Он замолчал. Повисла тишина. Только холодильник гудел на низкой ноте да за окном проехала машина, шурша шинами по мокрому асфальту.

Я смотрела на него. Не видела монстра. Не видела подлеца. Видела человека, который выбрал путь наименьшего сопротивления и теперь пытается упаковать это в отчет о моей некомпетентности как партнера. Алгоритм стал предельно ясен. Дебет и кредит расходились не из-за ошибки в расчетах. Из-за того, что контрагент сменил условия договора в одностороннем порядке.

Да, после того, как у нас сменилось руководство, у нас на работе посыпались неприятности. Приходилось оставаться после окончания рабочего дня, доделывать, переделывать... Нам постоянно предъявляли какие-то претензии, с нас драли три шкуры, даже премию по итогам квартала не выплатили. Но надо было просто потерпеть - период притирки рано или поздно закончится, все войдет в привычную колею.

Я думала, Олег меня понимал.

Он и сам иногда работал буквально сутками - мог встать рано утром, весь день просидеть за своими таблицами и графиками, затем сидеть всю ночь и лишь под утро пойти спать. Такое случалось нечасто, да и потом у него было пару спокойных дней, когда можно было практически ничего не делать, но ведь случалось же.

Увы, но времена, когда рабочий день заканчивался звонком на заводе, давно остались в прошлом целой страны. Теперь все работают столько, сколько необходимо, невзирая на трудовой распорядок.

А то, что я немного поправилась - это же не критично. Летом я буду больше ходить... Хотя, какая теперь разница?

Олег повернулся и вышел в кухню.

Я села на диван. Голова раскалывалась от того, что новая правда оказалась слишком болезненной. Но теперь я хотя бы оставалась в сознании.

Я облокотилась на подушку и закрыла глаза. Усталость снова навалилась на меня, и я задремала. Сколько я проспала, я не знала. С кухни все так же раздавалось тихое щелканье клавиатуры. Даже сейчас Олег продолжал работать, как будто ничего не произошло.

Впрочем, а что произошло? Ничего особенного. Просто правда стала известна нам обоим, а не только ему.

Я встала, подошла к окну. Улица темнела. Фонари включались по очереди. Желтый свет ложился на мокрый асфальт, размывая контуры. Я не плакала. Не злилась. Просто фиксировала точку закрытия периода.

Вечер прошел в ровном, глухом молчании. Я не включала свет. Лежала в темноте, слушая, как тикают часы, как шумит вентиляция, как где-то ходят соседи. Он не выходил. Не звал. Не стучал в дверь. Мы существовали в одном пространстве, но в разных мирах.

Ближе к одиннадцати дверь кухни открылась. Олег вошел в гостиную, неся в руке кружку с лекарством. Поставил на край журнального столика. Не сел. Не смотрел на меня. Просто поставил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.